

Научно-теоретический и методический журнал

5

2016

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ *в школе*

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА: Художественная литература в преподавании истории и обществознания

ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ: Письма с фронта как источники семейной и исторической памяти

ЕГЭ и ОГЭ: Работа с исторической картой: причины трудностей учащихся и приемы их преодоления

ISSN 0132-0696

А.А. Дмитриенко

Почему прибалтийские беженцы предпочитали жить в Петербурге и близлежащих городах в период Первой мировой войны?

В ходе военных действий проблема беженцев из сопредельных государств всегда вставала перед правительствами разных стран, но только в ходе Первой мировой войны она приобрела действительно массовый характер. К сожалению, данная проблема является актуальной и в настоящее время.

В ходе наступления летом-осенью 1915 г. кайзеровские войска вторглись на территорию нынешней Латвии. Осенью 1915 г. приграничные города Российской империи находились на грани транспортного и продовольственного коллапса. Беженцы из Прибалтики устремились преимущественно в одном и том же направлении. Это явление было установлено, однако в историографии не заостряется внимание на его причинах. Цель данной статьи – восполнить этот пробел.

Современные латышские авторы В. Шалда и Т. Бартеле установили, что латышские беженцы в основном обосновывались в столичном Петрограде и Москве. Так, в Петрограде к весне 1917 г. их число превышало 60 тыс. чел.¹ По подсчетам историка М.В. Васильева, в приграничной Псковской губернии и Пскове на 1 июня 1916 г. латышей было зафиксировано 10 801 чел., поляков – 6 453 чел., литовцев – 2 467 чел., евреев – 362 чел., прочих – 486 чел.²

Исследование истории приема беженцев-латышей в годы Первой мировой войны началось практически сразу после их появления. В 1920–1930-е гг. широко публиковались документы, воспоминания о жизни беженцев. В советское время данная проблема поднималась преимущественно в рамках таких наук, как демография и статистика. Однако нигде не применялся антропологический подход к анализу мотивов выбора беженцами места для размещения.

Интерес к психологическим аспектам их жизни вновь проявился в 1990-е гг. Анализ историографии проблемы «беженцев, а не беженства», дали пермские историки Н.В. Суржикова, Н.А. Михалев и С.А. Пьянков, отметив, что существовало неравнозначное отношение властей к беженцам разных национальностей, в том числе латышам³. Последние, как известно, не относились к «подозрительной» группе беженцев, как немцы и евреи, поэтому им не было отказано в размещении в Петрограде и Гатчине, находившейся сравнительно близко к столице.

Находясь ближе к столице, беженцы имели больше шансов стать сферой применения гуманитарных инициатив и развития благотворительности. Большую помощь им оказывал Комитет Ея императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны (Татьянинский комитет), созданный в 1914 г. для оказания временной помощи беженцам из Польши, Прибалтики и Белоруссии. Комитет имел полугосударственный статус, хотя и существовал при государственном казначействе.

Силами этого комитета практиковалась аренда жилья с водопроводом и всеми удобствами для размещения беженцев, и отчеты о числе арендованных построек, нанятых для нужд беженцев, посылались в земский отдел⁴. И это при том, что в военное время было достаточно трудно приискать и оборудовать необходимое число помещений. Заявлений на бесплатное проживание поступало очень много, но удовлетворялась едва ли половина из них. Предоставление помещений для проживания было очень важным делом, т. к. во время эвакуации беженцам приходилось нередко бросать все свое имущество. В других регионах беженцам такие удобства не предоставлялись. Например, в Алтайском округе беженцы жили в уже функционировавших учебных заведениях⁵.

Кроме того, находясь недалеко от столицы, беженцы имели возможность обратиться к депутату. Так, заботу о соотечественниках осуществлял депутат Государственной думы от г. Риги Иван Петрович

Анастасия Александровна Дмитриенко – кандидат исторических наук, научный сотрудник МБУ «Музей города Гатчины», г. Гатчина, Ленинградская область.

E-mail: anastasiia.dmitrienko@gmail.com

Залит. Благотворительные комитеты, оставшиеся безымянными, через него передали девочкам-латышкам из г. Тукума платье, белье, обувь, одежду, заранее уточнив у них, что конкретно нужно, причем «неудовлетворенных просьб со стороны учащихся не осталось»⁶

В непосредственной близости от Петрограда были размещены целые образовательные учреждения, эвакуированные с оккупированных территорий. Им предоставлялась финансовая поддержка и помещения. Например, 22 октября 1915 г. в Гатчине на базе эвакуированной из-под Риги Тукумской женской гимназии была создана Гатчинская частная женская гимназия. Новоиспеченной гимназии бесплатно и временно было предоставлено помещение в Гатчинском реальном училище имени Александра III на ул. Люцевской (здание современной школы № 4 на ул. Чкалова, д. 2).

В столичном Петрограде и приграничных городах легче проходил процесс адаптации в иноэтнической среде, т. к. города были мультикультурными. Многие беженцы из прибалтийских губерний недостаточно хорошо знали русский язык. Как отмечает историк Г.Н. Чагин, это была типичная для того времени проблема⁷.

Исследователи В. Шалда и Т. Бартеле в своих работах утверждают, что латышские беженцы не связывали свое будущее с Россией, и большинство планировало вернуться обратно на родину⁸. Соответственно, они не хотели уезжать вглубь Российской империи, далеко от Петрограда и близлежащих к нему городов. Это затруднило бы их возвращение обратно в Прибалтику.

Такое консолидированное поселение беженцев имело свои последствия. Так, П. Гатрелл, который впервые рассмотрел беженцев как активную политическую силу, пришел к выводу, что беженство привело к консолидации их национального самосознания⁹. Это сыграло свою роль в ходе Февральской и Октябрьской революций.

Таким образом, беженцы из Прибалтики предпочитали жить в Петрограде и близлежащих городах, потому что на этих территориях существовало

лояльное отношение к их национальности со стороны властей (исключение составляли евреи), было проще получить гуманитарную помощь, временное жилье, обратиться за помощью к депутатам Государственной думы, легче адаптироваться в иноязычной среде, а их родина находилась в непосредственной близости, что облегчало возможность возвращения обратно.

Ключевые слова: прибалтийские беженцы, Первая мировая война, психология беженцев.

Keywords: refugees from Baltic Sea area, First world war, refugees' psychology.

Примечания

¹ Шалда В. Латышские беженцы в России и революция 1915–1921 гг. // Россия и Балтия. Эпоха перемен. М., 2002. С. 63.

² Васильев М.В. Беженцы Первой мировой войны и Псковская губерния // Псков. 2014. № 40. С. 174.

³ Суржикова Н.В. и др. Российское беженство 1914–1922 гг. в контексте новейшей отечественной и зарубежной историографии // Вестник Пермского университета. 2012. № 3. С. 142.

⁴ См.: ЦГИА СПб. Ф. 261. Оп. 1. Д. 39.

⁵ Гордиенко О.Н. Организация помощи детям беженцев учебными заведениями Алтайского округа в годы Первой мировой войны // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История». Барнаул, 2009. Вып. 4/1. С. 63.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 15585. Л. 5 об.

⁷ Чагин Г.Н. Беженцы Первой мировой войны в Чердынском крае: история переселения, обустройства на новом месте, дальнейшие судьбы // Вестник Пермского университета. 2010. № 1. С. 54.

⁸ См.: Шалда В. Латышские беженцы в России и революция 1915–1921 гг. С. 64.

⁹ См.: Гатрелл П. Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 2002. Т. 4. С. 49–55.